

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЛАНДШАФТА В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ СЛОВАРЯХ

Статья посвящена представлению ландшафтных концептов в немецких и русских словарях. Проводится сопоставительный анализ дефиниций, направленный на выявление общих и специфических черт концептуализации в немецких и русских источниках. На примере единиц базисного уровня категоризации (Wald, Berg, Bach, Feld и т. д.) и их соответствий в русском языке анализируются структура концептов, количество и иерархия представленных значений, состав идиоматических структур, эмоциональный компонент значения.

Ключевые слова: концепт, ландшафтная лексика, категоризация, признаки концептов, сравнение.

Ландшафтные объекты представляют естественную среду обитания человека, образуя тем самым неотъемлемую часть картины мира в любой лингвокультуре. Единицей изучения картины мира считается концепт, «ментальное образование, с помощью которого и в котором хранятся сведения о мире» [1, с. 30]. Номинации таких объектов и интерпретация их значений фиксируются одно- и двуязычными словарями, отражая особенности их концептуализации. Целью настоящей статьи является сопоставительный анализ дефиниций ландшафтных объектов в немецких и русских словарях. Содержащаяся в словарных статьях информация рассматривалась нами в аспекте когнитивного анализа. Подобное сопоставление может составить основание для сопоставления соответствующих менталитетов, лежащих в основе немецкой и русской языковой картины мира. Результаты сопоставительного анализа могут использоваться в методических целях преподавания немецкого языка для русских.

В современных когнитивных исследованиях выделяются два основных направления анализа: концептуализация и категоризация объектов реального мира. Номинации природных объектов рассматриваются при этом как концепты, отражающие особенности их восприятия, значимые для той или иной лингвокультуры. Взаимодействие когнитивных и языковых категорий в этом процессе создает специфику мировосприятия, понимание которой — необходимая составляющая межкультурного взаимодействия.

В исследованиях отечественных лингвистов выработаны общие принципы сопоставительного анализа концептов, в том числе природных, на базе разных языков [2]. Ландшафтные концепты проанализированы в аспекте дидактики [3]. На материале английского языка есть ряд исследований, посвященных ландшафтной лексике и отражающих концептуализацию и категоризацию природных объектов в англоязычной лингвокультуре [4–6]. Авторы этих исследований считают, что категориальное знание ландшафта хранится в концептах [6], что существует определенная иерархия концептуальных признаков [4] и единицы концептосферы «природное пространство» имеют ярко выраженные когнитивные свойства, в формировании которых главную роль играют зрительно воспринимаемые признаки [5, с. 198].

* © Беспалова Е.В., 2016

Беспалова Екатерина Викторовна (bepalowa@mail.ru), кафедра немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Мы ставим своей задачей сопоставление с когнитивных позиций лексикографического представления имен ландшафтных концептов в немецкой и русской лингвокультурах. Методология исследования исходит из теории Э. Рош [7], опираясь на которую мы выделили базисные ландшафтные концепты и сопоставили их словарные дефиниции в немецких и русских толковых словарях. Следующий этап исследования предполагал выделение, иерархизацию и сопоставление концептуальных признаков. Далее проводилось сопоставление развития переносных значений имен ландшафтных концептов во вторичных номинациях и фразеологизмах в немецком и русском языках.

Материалом исследования послужили одноязычные словари немецкого языка: корпус DWDS [8], словарь DUDEN-online [9], словарь WANRIG [10]. При анализе русскоязычного материала мы опирались на Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [11], ресурс СЛОВАРИ.РУ [12], объединяющий данные словарей В. Даля, Н.Ю. Шведовой, А.П. Евгеньевой и др. Для анализа привлекались также данные изданных в России двуязычных словарей немецкого языка под редакцией О.И. Москальской [13] и Д.О. Добровольского [14]. Использование этих двуязычных словарей дает дополнительный ракурс рассмотрения проблемы с позиций другой культуры.

Ландшафтные концепты можно разделить на две группы. Первая группа – это обозначения водоемов, вторая – обозначения наземных элементов ландшафта [6]. На первом этапе анализа мы выделили имена базисного уровня категоризации. По критериям Э. Рош [7] они морфологически просты, легко узнаваемы, стилистически нейтральны, могут быть использованы практически в любых видах дискурса. К **водоемам** в обеих лингвокультурах относятся: *Bach / ручей, Quelle / источник, Fluss / река, See / озеро, Meer / море*; к **наземным элементам ландшафта**: *Berg / гора, Tal / долина, Wald / лес, Feld / поле, Heide / степь*.

Рассмотрим концептуальные признаки названий водоемов на основе дефиниций толковых словарей.

Bach – *kleiner natürlicher Wasserlauf von geringer Tiefe und Breite* [9], *kleiner Fluss* [10, S. 559].

Ручей – *водный источник, текущий быстрой струей* [12, СЕМ1 8550]; *ричушка, лотомъ мистами пересыхающая; не болие сажени ширины* [12, Даль 59423].

Fluss – *größeres fließendes Gewässer des Festlandes* [8]; *größerer natürlicher Wasserlauf* [9].

Река *постоянный водный поток значительных размеров* [12, СЕМ1 8372]; *естественный значительный и непрерывный водный поток* [12, МАКС 62597].

Как показывает анализ дефиниций названий водоемов, у соответствующих концептов в немецком и русском языке можно выделить следующие общие признаки: состоящий из воды, имеющий размер, объем, глубину, форму, происхождение (естественное / искусственное), протяженность, характер течения, являющийся частью земной поверхности, перцептивный признак (соленая вода моря). В русских толковых словарях дефиниции водоемов включают также признак сезонных особенностей (летом пересыхающий) и границы (границы моря определяются формой подводного рельефа), то есть дефиниции содержат больше информации энциклопедического характера.

Анализ дефиниций наземных элементов ландшафта в немецких и русских толковых словарях выявил совпадение основной части признаков. Так *Berg / гора* определяется словарями как значительное возвышение:

Berg – *große, aus dem Gelände herausragende Bodenerhebung* [8]; *deutlich sichtbare, größere Geländeerhebung* [10, S. 646].

Гора – *значительная возвышенность, резко поднимающаяся вверх над окружающей местностью (на несколько тысяч метров над уровнем моря)* [12, Даль 9272].

При толкованиях единиц *Feld / поле*, однако, не наблюдается единства как между немецкими и русскими словарями, так и между разными немецкими словарями. Так, в корпусе DWDS первым значением указывается „*offene, weite Bodenfläche in der*

Landschaft” (открытая широкая поверхность земли), вторым значением следует “*bearbeitete landwirtschaftliche Nutzfläche, Acker*” (обрабатываемая в сельском хозяйстве полезная площадь земли, пашня). Словарь Wahrig дает первым значением “*abgegrenztes Stück Acker, Ackerland*” (ограниченный участок пашни, пахотная земля) и только вторым “*Gefilde, Landschaft*” (равнина, поле) [10, S. 1268]. Словарь DUDEN первым указывает возвышенное значение — “*weite, unbebaute Bodenfläche*” (широкая незастроенная поверхность земли), вторым — “*abgegrenzte Bodenfläche für den Anbau von Nutzpflanzen*” (ограниченная поверхность земли для выращивания полезных культур) [9]. Таким образом, в немецкой лексикографии отсутствует единое мнение об иерархии этих значений. В русских толковых словарях *поле* определяется как *большое открытое ровное пространство, не поросшее лесом, кустами* [12, СЕМ1 7248]; *обрабатываемая под посев земля, участок такой земли* [12, СЕМ2 290]; *просторъ за городомъ, селеньемъ, безлисная, незастроенная, обширная равнина* [12, Даль 46704].

На основании анализа дефиниций других элементов наземного ландшафта мы выявили следующие общие для немецкой и русской языковой картины мира концептуальные признаки: часть земной поверхности, величина, высота, характер возвышения (*steil, sanft, ansteigend*), глубина, протяженность, открытость / ограниченность, связь с другими формами ландшафта, определенная флора, форма, свойства почвы, перцептивные признаки (*deutlich sichtbar, rotlilablühend*), следы / цель человеческой деятельности. В дефинициях русских словарей встречаются также указания на следующие дополнительные признаки: принадлежность к определенной климатической зоне, влажность, положение выше / ниже уровня моря, что также означает включение в словарные статьи большего объема энциклопедической информации. У признака открытость / ограниченность в русских дефинициях отсутствует второй компонент, большинство единиц наземного ландшафта определяются как большие / протяженные / не ограниченные в пространстве.

Следует отметить, что даже в восприятии базисных концептов в исследуемых лингвокультурах прослеживаются определенные различия приоритетного и семантического плана. Приоритетность концепта в лингвокультуре мы определяем по признаку **когнитивной выделенности** (термин Р. Лангакера), которая может быть выявлена в ходе лексикографического анализа, анализа частотности употребления в электронных корпусных словарях. Кроме того, когнитивная выделенность подтверждается достаточно высокой активностью единиц в слово- и фразообразовании. Данные о частотности употребления той или иной единицы в электронных корпусах показывают, на наш взгляд, общие тенденции, при их анализе необходимо иметь в виду разный объем и различную структуру корпусных лексикографических данных немецкого и русского языков. Так, корпус немецкого языка имеет больший объем и предоставляет больше математически обработанных данных по каждому отдельному слову.

Анализ показывает, что некоторые из концептов обнаруживают разную когнитивную выделенность у представителей различных лингвокультур. Одни из них в большей мере характерны для немецкой (*Bach, Heide*), другие — для русской (*река, степь*) языковой картины мира. Семантические различия ярко проявляются, например, в лексикографической интерпретации слова *Heide*, в корпусе DWDS указано три значения: 1) *unbebauter, ebener Landstrich, der mit rotlilablühenden Zwergsträuchern, Wacholder, Gräsern und Kräutern bewachsen ist*; 2) разг. *Kiefernwald auf Sandboden*; 3) разг. *Heidekraut*. Для первого и второго значений признаки отсутствия построек, формы поверхности, наличия определенной флоры и типа почвы определяющие. Русско-немецкие словари предлагают для перевода следующие варианты: *пустошь, полупустыня, вересковая степь, верещатник, поле, луг* [13, с. 609], ср.-нем., вост.-ср.-нем. (*сосновый*) *бор* [14, т. 1, с. 329]. Данные варианты являются либо словосочетаниями (*вересковая пустошь*), либо генерализацией различной степени (*пустошь, луг, поле, полупустыня*), во всех последних вариантах признак наличия определенной флоры (*вереск, можжевельник*) не является определяющим, ср.: «пустошь — невозде-

ланный участок земли, заросший травами, мелким кустарником» [12, СЕМ1 8057]. Национальный корпус русского языка не закрепляет ни одного употребления словосочетания *вересковая пустошь* и дает всего 4 употребления лексемы *верещатник*, в то время как, по данным DWDS, лексема *Heide* насчитывает на 2000 год около 10 миллионов употреблений, а по текстам 1600 года таких употреблений было около 100 миллионов. Лексема *Steppe*, по немецким лексикографическим данным, имеет более низкий индекс частотности: за 2000 год она употребляется 2,5 млн раз. Слово- и фразообразование подтверждают выявленные тенденции. Так, лексема *Heide* входит в состав довольно большого количества сложных слов в качестве первого компонента: *Heidebauer, Heideboden, Heidefläche, Heidehonig, Heidekorn, Heidekraut, Heideland, Heidelandschaft, Heidelerche, Heidemoor, Heiderose, Heidschnucke* [8]. Словарями зафиксированы фразеологические единицы с *Heide*: фам. *Dass die Heide wackelt* означает «на полную катушку; страшно, изо всех сил (напр. избить кого-либо)» [9; 14, с. 329]. Лексема *Steppe* при наличии словообразовательной активности не входит в состав фразеологических единиц.

Для русской лингвокультуры концепт *степь*, напротив, обладает довольно высокой когнитивной выделенностью, НКРЯ дает 4433 употребления соответствующей лексемы, в то время как лексема *пустошь* насчитывает лишь 308 употреблений. Лексема *степь* входит в состав устойчивых словосочетаний *степная растительность, степное разнотравье, степной ковыль, степные табуны, степной сурик, степная куропатка* [12, СЕМ1 9537] и фразеологических единиц *степь лиса не лучше, въ степи просторъ, въ лису угодые* [12, Даль 64150], разг. *не в ту степь* «совершенно не к месту, не то, не о том» [12, СЕМ1 9537].

В наименованиях водоемов также отмечается разница в лингвокультурных приоритетах. В немецком языке лексема *Bach* обладает весьма высокой когнитивной выделенностью, о чем свидетельствуют такие факты, как частотность употреблений, достаточно высокая словообразовательная активность и вхождение в состав идиоматических выражений [8; 9]. Так, по корпусным данным DWDS, за 2000 год количество употреблений лексемы составило примерно 23 миллиона единиц – это почти столько же, сколько насчитывают употребления лексемы *Fluss* за тот же период (примерно 26 миллионов). Лексема *Bach*, как и *Fluss* входит в состав сложных существительных в качестве первого (*Bachbett, Bachforelle, Bachkiesel, Bachmündung, Bachquelle, Bachregulierung, Bachrinne, Bachstelze, Bachufer, Bächlein*) или второго (*Alpenbach, Bergbach, Blutbach, Dorfbach, Forellenbach, Gebirgsbach, Gießbach, Gletscherbach, Murrelbach, Mühlbach, Nebenbach, Quellbach, Regenbach, Schmelzbach, Silberbach, Sturzbach, Tränenbach, Waldbach, Wiesenbach, Wildbach*) компонента. *Den Bach runtergehen* (букв. «спуститься вниз по ручью») означает в разговорном языке «превратиться в ничто» [9].

Подобное сопоставление когнитивной значимости соответствующих лексем *река* и *ручей* в русском языке показывает иные результаты. По данным Национального корпуса русского языка, лексема *ручей* обладает гораздо более низкой частотностью (1790 употреблений) по сравнению с лексемой *река* (8040 употреблений). Лексема *река* проявляет большую активность в словообразовании: так, дериват *речной* (1037 употреблений по НКРЯ) отмечается в составе устойчивых словосочетаний *речной песок, речная вода, речная рыба, речные мели, перекаты, речной флот, речной порт, речная система* [12, СЕМ1 8372]. Словари содержат также довольно большое число фразеологизмов разных стилевых регистров: афоризм *в одну реку нельзя ступить дважды*, высок. *Река забвения*, разг. *молочные реки, кисельные берега, хоть с моста в реку* [12, СЕМ1 8372]. Лексема *ручей* подобной активностью не обладает. Так, в качестве однозначно употребительного прилагательного словари предлагают 4 разных варианта: *ручьево́й, ручейко́вый, ручьи́стый, ручейны́й*. Частотность их употребления в НКРЯ колеблется от 3 до 10. Выявлено небольшое количество терминологических словосочетаний: *ручьевая форель* [12, СЕМ 1 8550], *ручейное русло* [12, Даль 59423] и переносных значений: *ручьи слез, кровь льет ручьем* [12, СЕМ3 3742].

Согласно современным когнитивным исследованиям, в формировании концептов особую роль играет эмоциональный компонент значения. Словари закрепляют в словарных статьях примеры единиц, содержащих эмоциональный компонент. В русском языке это примеры производных слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, например: *горушка, горка* (для катания детей), *речка, речушка, реченька* [12]. Эмоциональный компонент значения может присутствовать и в некоторых устойчивых словосочетаниях, например *красная горка* (первая неделя после Пасхи, когда празднуется большое количество свадеб) [12].

Базовые концептуальные признаки элементов ландшафта, такие как величина, форма, текучесть, служат как в немецком, так и в русском языках основой для переносных метафорических значений. Очень многие из них эквивалентны: *гора снега, папок / ein Berg von Schnee, Akten; море цветов, людей, света / ein Meer von Blumen, Menschen, Licht; кровь льет ручьем, слезы ручьем струятся / Bäche von Blut, Tränen* [8]. При этом все же существует ограничение сочетаемости некоторых имен. Так, в русском не говорят **гора пирогов, море деревьев, крыши, знамен, домов, звуков, цветущих роз*. Подобные употребления в текстах художественной литературы, в публицистическом или песенном дискурсе были бы вполне понятны на основе прозрачного метафорического образа. Сравните примеры из некоторых видов дискурса: *зеленое море тайги* (песенный дискурс), «*Море деревьев*» (переводное название кинофильма), *море из балканских крыш* (дискурс путеводителя), «*Море звуков*» (название шоу-программы). Русскому *море крови* соответствует в немецком *Bäche von Blut* [8], *die Bäche Blutes* [13, Т. 1, с. 275], признак большого количества текущего вещества сохраняется, по-другому осмысливается количество. При этом в русском также возможно *кровь льет ручьем* [12].

Концептуальные признаки элементов ландшафта служат также для мотивации фразеологических единиц. Благодаря универсальности базовых признаков и механизмов образования метафорических значений в фонде фразеологизмов с ландшафтной лексикой в русском и немецком обнаруживается много эквивалентных или почти эквивалентных единиц:

- (1) *Berge versetzen können* [8; 9] / *Гору свернуть (разг.), горы (горами) двигать* [12];
- (2) *Goldene Berge versprechen* [8; 9] / *Сулить золотые (златые) горы кому-н.* [12];
- (3) *Wenn der Berg nicht zum Propheten kommt, muss der Prophet zum Berge kommen* [8; 9] / *если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе* [12].

Первый пример демонстрирует эквивалентные фразеологизмы, хотя в русском глагол «свернуть» подразумевает большее усилие и меньший по значимости результат, чем «двигать». Во втором примере устаревшие русские лексемы «сулить» и «златые» придают всему выражению временную коннотацию по сравнению с нейтральным немецким фразеологизмом. В третьем примере при эквивалентности смысла в немецком фразеологизме речь о пророке вообще, в русском о Магомете.

Один и тот же концептуальный признак может, однако, по-разному переосмысливаться во фразеологических выражениях. Так признак горы как большого надежного укрытия лежит в основе немецкого разг. *mit etw. Hinter dem Berge halten* “nicht mit der Sprache heraus wollen, etw. verheimlichen” [8] (не хотеть рассказать что-то, утаивать что-то). Субъект действия как бы скрывается «за горой», не желая выдать какие-либо намерения, мысли или информацию. Тот же самый признак служит основой метафоризации и в русском: *горой стоять за кого-то, что-то* [12], коллективная помощь и поддержка метафорически переосмысливаются как гора, способная защитить кого-то / что-то от нападков / врагов / уничтожения / разрушения и т. п.

Вышеизложенные наблюдения позволяют сделать следующие выводы: словарные дефиниции показывают, что концептуализация природных объектов в обоих языках основана на конкретном опыте. Наименования базисных категорий ландшафта могут иметь в разных языках различную степень когнитивной выделенности, что проявля-

ются в частотности их употребления, слово- и фразообразовательной активности. Универсальные признаки ландшафтных концептов, такие как форма, величина, текучий характер находят в переносных значениях и фразеологизмах как общий, так и различный способ языкового выражения.

Дальнейшими задачами исследования могут стать сопоставительный анализ других ландшафтных концептов, созданных, например, в результате деятельности человека, а также дискурсивные исследования контекстов употребления, где проявляется интерпретационный потенциал этого вида лексики и возникают всевозможные способы концептуализации и оттенки значения.

Библиографический список

1. Гришаева Л.И., Попова М.К. Картина мира как проблема гуманитарных наук // Картина мира и способы ее репрезентации: науч. доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21–24 апреля 2003 г., Курск) [под ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой]. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. С. 13–38.
2. Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 126–132.
3. Кольовска Е.Г. Природно-ландшафтный код русской культуры в аспекте лингводидактики: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 240 с.
4. Гавриленко О.В. Когнитивное освоение ландшафта в британской и американской лингвокультурах: сравнительно-сопоставительное исследование: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2010. 239 с.
5. Ивашкевич И.Н. Лексическая категоризация // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. X. С. 174–199.
6. Болдырев Н.Н., Е.В. Чистякова. Категоризация ландшафтов и интерпретационный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.П. Державина, 2015. 206 с.
7. Rosch E. Principles of categorization // E. Rosch, V.B. Lloyd (eds.). Cognition and Categorization. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Publishers, 1978. P. 27–48.
8. DWDS: Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dwds.de/> (дата обращения: 03.10.2016).
9. DUDEN: DUDEN-online-Wörterbuch. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de/> (дата обращения: 03.10.2016).
10. WAHRIG: Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Berlin: Bertelsmann Lexikon-Verlag, 1977. 4322 S.
11. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. Основной корпус. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 03.10.2016).
12. СЛОВАРИ.РУ: [Электронный ресурс]. URL: www.slovari.ru (дата обращения: 03.10.2016).
13. Большой немецко-русский словарь: в 3 т. / под общ. рук. О.И. Москальской. М.: Рус. яз., 2001.
14. Новый большой немецко-русский словарь: в 3 т. / под общ. рук. О.Д. Добровольского. М.: АСТ: Астрель, 2008; 2010.

References

1. Grishaeva L.I., Popova M.K. *Kartina mira kak problema gumanitarnykh nauk* [World view as a problem of humanitarian sciences]. In: *Kartina mira i sposoby ee reprezentatsii: nauch. doklady konferentsii «Natsional'nye kartiny mira: iazyk, literatura, kul'tura, obrazovanie» (21–24 apreliia 2003 g., Kursk)* [pod red. L.I. Grishaevoi, M.K. Popovoi] [World view and means of its representation: Scientific reports of the conference «National world views: language, literature, culture, education» (21–24 April, 2003, Kursk) [L.I. Grishaeva, M.K. Popova (Eds.)]]. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2003. P. 13–38 [in Russian].
2. Pimenova M.V. *Kontseptual'nye issledovaniia i natsional'naiia mental'nost'* [Conceptual researches and national mentality]. *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian Vector], 2011. no. 4 (28). P. 126–132 [in Russian].

3. Kolovska E.G. *Prirodno-landshaftnyi kod russkoi kul'tury v aspekte lingvodidaktiki: dis. ... kand. filol. nauk* [Natural and landscape code of Russian culture in the aspect of linguodidactics: Candidates of Philological Sciences thesis]. M., 2014. 240 p. [in Russian].
4. Gavrilenko O.V. *Kognitivnoe osvoenie landshafta v britanskoi i amerikanskoi lingvokul'turakh: sravnitel'no-sopostavitel'noe issledovanie: dis. ... kand. filol. nauk* [Cognitive exploration of landscape in British and American linguocultures: relative-comparative study: Candidates of Philological Sciences thesis]. Vladivostok, 2010, 239 p. [in Russian].
5. Ivashkevich I.N. *Leksicheskaia kategorizatsiia* [Lexical categorization]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka* [Cognitive researches of language]. 2012. Issue X. P. 174–199 [in Russian].
6. Boldyrev N.N., Chistyakova E.V. *Kategorizatsiia landshaftov i interpretatsionnyi potentsial landshaftnoi leksiki v sovremennom angliiskom iazyke: monografiia* [Categorization of landscapes and interpretation potential of landscape vocabulary in modern English language: monograph]. Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2015. 206 p. [in Russian].
7. Rosch E. *Principles of categorization*. In: E. Rosch, B.B. Lloyd (Eds.). *Cognition and Categorization*. Hillsdayl, N.J.: Lawrence Erlbaum Publishers. 1978. P. 27–48 [in English].
8. DWDS: Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. Retrieved from: <http://www.dwds.de/> (accessed 03.10.2016) [in German].
9. DUDEN: DUDEN-online-Wörterbuch. Retrieved from: <http://www.duden.de/> (accessed 03.10.2016) [in German].
10. WAHRIG: Wahrig G. *Deutsches Wörterbuch*. Berlin: Bertelsmann Lexikon-Verlag, 1977. 4322 S. [in German].
11. NKRIa: *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka. Osnovnoi korpus* [НКРЯ: National corpus of Russian language. Basic corpus]. Retrieved from: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed 03.10.2016) [in Russian].
12. SLOVARI.RU. Retrieved from: www.slovari.ru (accessed 03.10.2016) [in Russian].
13. *Bol'shoi nemetsko-russkii slovar': V 3-kh t. Pod obshch. ruk. O.I. Moskal'skoi* [Unabridged German-Russian dictionary: In 3 Vols. O.I. Moskalskaya (Ed.)]. M.: Rus. iaz., 2001 [in Russian].
14. *Novyi bol'shoi nemetsko-russkii slovar'. V 3-kh t. Pod obshch. ruk. O.D. Dobrovolskogo* [New unabridged German-Russian dictionary. In 3 Vols. O.D. Dobrovolsky (Ed.)]. M.: AST: Astrel', 2008. 2010 [in Russian].

*E.V. Bepalova**

CONCEPTUAL INTERPRETATION OF LANDSCAPE IN GERMAN AND RUSSIAN DICTIONARIES

The article is devoted to the exploration of landscape concepts in German and Russian dictionaries. The aim of the study is to evaluate common and different features of conceptual interpretations. Being basic landscape concepts (Wald, Berg, Bach, Feld), they show many common features in different languages. The differences in the conceptual structure, the quantity and hierarchy of meanings and phraseological entities are analyzed.

Key words: concept, landscape vocabulary, categorization, features of concepts, comparison.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.
The article received 15/II/2016.

* *Bepalova Ekaterina Viktorovna* (bepalowa@mail.ru), Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.